

A photograph of a person walking away from the camera down a snow-covered path in a dense forest. The trees are heavily laden with snow, and the overall atmosphere is quiet and serene. The path is well-trodden, and the person is centered in the lower half of the frame.

Хлеба и воли

Троепольский

Троепольский Троепольский Хлеба и воли

<https://litres.ru/74024233>

SelfPub; 2026

Аннотация

23 декабря 1833 года. Он был IT-специалистом с ипотекой. Теперь он — крепостной, который должен барину 15 рублей.

Он — вещь. Его могут выпороть, проиграть в карты, сдать в солдаты. А кругом — зима, вшивые зипуны и староста с клюкой.

Но Саша не умеет кланяться. Он вспоминает агрономию, химию и физику рычага. Точит топоры, варит мыло, доказывает на сельском сходе, что земля кормит не кулаков, а тех, кто её пашет.

Первая книга о попаданце, который не стал бунтовать с вилами. Он строил бизнес в 1833-м. Пока однажды управляющий не приказал его выпороть.

Реалистичная драма о выживании, вере и цене свободы.

Без меча. Без магии. Без пощады. Только 1833 год. И одна жизнь, чтобы всё изменить.

Содержание

Глава 1. Ночь.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Троепольский

Хлеба и воли

Глава 1. Ночь.

Декабрь 2025 года. Тверская область.

Саша Соколов вдавил педаль газа и посмотрел на навигатор. До Твери оставалось сорок километров, но метель разыгралась не на шутку — снег валил стеной, и «дворники» едва справлялись. Старый «Форд Фокус» нёсся по пустой трассе, и только шум шин да вой ветра нарушали тишину салона.

Чем дальше ехал, тем больше тяжелели веки. Двое суток он исправлял ошибки в коде — миграция базы данных пошла не по плану, и пришлось переписывать половину бэкенда. Он принял душ только утром, кофе пил литрами, и теперь его мутило от усталости.

В колонках играл подкаст. Лектор — московский историк с вкрадчивым голосом — рассказывал о России 1830-х годов:

«Николай Первый вступил на престол в день восстания декабристов, и это наложило отпечаток на всё его тридцатилетнее правление. С одной стороны — ужесточение цензуры, Третье отделение, жандармы. С другой — промыш-

ленный переворот, первые железные дороги, кодификация законов Сперанским»

Саша слушал вполуха. Он включил этот подкаст, потому что недавно увлёкся историей XIX века — сам не знал, с чего. Наверное, с «Войны и мира», которую наконец-то осилил в тридцать лет. А может быть, просто хотелось понять: откуда мы вообще взялись, такие, какие есть?

— «Крепостное право в 1830-х годах достигло своего апогея. Помещик мог продать крестьянина, проиграть в карты, обменять на борзую. Человек был вещью»

Саша поморщился. Он представил себя на месте этого крестьянина — и поёжился. Хотя в его собственной жизни было не слаще: ипотека на двадцать лет, арендодатель, который поднял цену, начальник, который дёргал по выходным. Двадцать первый век, цифровое рабство.

— «Но были и те, кто вырывался. Крестьяне-предприниматели, которые выкупали себя и становились купцами. Морозовы, Рябушинские, Гучковы — все они вышли из крепостных»

Саша зевнул. Глаза слипались. Он потянулся за термосом — кофе, горячий, чёрный, без сахара. Одной рукой умело налил в крышку, отхлебнул. Обжёгся. Сжал крепче руль.

В этот момент свет фар встречной машины ударил в глаза.

Он был ослепительным — белым, плотным, как стена. Саша инстинктивно выкрутил руль вправо. «Фокус» вильнул, колеса со скрипом проскользили, когда Саша ударил по тор-

мозам — и понял, что это была ошибка.

Машину закрутило. Снег, фары, темнота — всё смешалось в один белый шум. Саша услышал собственный крик — и потом удар.

И — тишина.

Он открыл глаза.

Было холодно. Так холодно, что он не чувствовал лица. Он лежал на спине, и над ним было небо — чёрное, звёздное. Снег падал на щёки, таял и стекал за воротник.

Саша попробовал пошевелиться. Тело слушалось — но с трудом, как после долгого сна. Он сел. Голова кружилась. Перед глазами плыли круги.

Он был в лесу. Вокруг — сосны, берёзы, сугробы. Ни дороги, ни машины, ни огней. Только лес, снег и тишина.

Саша посмотрел на свои руки — и сердце пропустило удар.

Это были не его руки. Точнее, они были похожи — такие же пальцы, такие же ногти, — но кожа была грубой, мозолистой, с чёрными трещинами на ладонях. Руки человека, который работал физически. Много и тяжело.

— Бред, — сказал Саша вслух. Голос был хриплым, незнакомым.

Он встал. Тело было лёгким — слишком лёгким. Он посмотрел на себя: рваный армяк из грубого сукна, холщовые порты, лапти на ногах. Лапти, господи. Он стоял в лаптях в сугробе.

— Это сон, — сказал он громче. — Это сон. Я в коме. Я сплю. Я сейчас проснусь.

Он ущипнул себя за руку. Больно.

И тогда он увидел тело.

Оно лежало в десяти шагах — в сугробе, лицом вниз. Саша подошёл. Перевернул. И отшатнулся.

Мужик. Лет тридцати, русский, с бородой. Голова разбита — висок проломлен, кровь застыла чёрной коркой. Глаза открыты, смотрят куда-то.

Саша смотрел на это лицо — и пытался узнать. Это было его лицо. То есть не его — Саши Соколова из 2026 года, — но очень похожее. Та же линия скул, тот же разрез глаз. Только старше, грубее, обветренное.

И с родинкой на левой руке — такой же, как у Саши.

— Господи, — выдохнул Саша. И перекрестился — сам не зная, зачем. Он не крестился лет десять, с похорон матери. Но сейчас рука сама легла на лоб, на живот, на плечи.

Он обыскал тело. В карманах — глиняная трубка, кресало, нож с деревянной рукояткой, холщовый мешочек. В мешочке — три рубля медью. И бумага — сложенный вчетверо лист, засаленный, потрёпанный.

Саша развернул. Буквы были славянскими, с твёрдыми знаками на концах слов. Он прочитал с трудом — школьных знаний церковнославянского хватило, чтобы разобрать:

«Объявитель сего, крестьянин помещика Мценского, Александр Соколов, отпущен для заработков в Тверь сроком

на два месяца. А буде явится сей паспорт у кого иного, такового имать за беглого и поступать по закону».

Саша перечитал три раза. Александр Соколов. Его имя. Его фамилия.

Он посмотрел на мёртвого мужика. Потом на себя. Потом снова на бумагу.

— Нет, — сказал он. — Нет, нет, нет...

Он встал и пошёл, спасаясь от холода. Просто шел — куда глаза глядят, проваливаясь в снег. Ноги в лаптях мгновенно замёрзли. Ветки хлестали по лицу. Он шёл и дышал — глубоко, часто, как загнанный зверь.

Шёл, пока не упал.

Лёг в снег, раскинув руки. Холод разрастался по телу. Он смотрел на звёзды. Они были теми же — Большая Медведи-

ца, Полярная звезда. Но всё остальное было как будто другим.

— Господи, — прошептал он. — Если Ты есть если Ты меня слышишь помоги.

Тишина. Только ветер шумит, лаская ветви и хвои.

Саша закрыл глаза. И впервые за много лет заплакал — беззвучно, мужскими слезами, которые не текли, а жгли.

— Кто был тот мужик? Никогда не видел тел, бездушных... Так похож на меня... Может стоит вернуться? Раз это сон, — надо почтить, — закапаю.

Он не знал, сколько пролежал. Может, минуту. Может, час. Но в какой-то момент он встал. Вытер лицо рукавом. Подошёл к телу.— Прости, брат, — сказал он. — Не знаю, кто ты, и почему так похож на меня. Но я тебя похороню. Он стащил тело под старую сосну. Руками — голыми, замёрзшими — начал рыть яму. Земля промёрзла, копать руками было невозможно. Недалеко лежала не так давно упавшая ветвь. Взяв её копал долго, пока пальцы не перестали слушаться. Когда яма была готова, он затащил тело, уложил, сложил руки на груди. Постоял. Перекрестился.— Упокой, Господи, душу раба Твоего — Он запнулся. Имени он не знал. — раба Твоего, имя которому Ты ведаешь. Прости ему грехи его вольные и невольные. И мне прости. Он засыпал яму землёй и снегом. Утрамбовал. Воткнул две ветки крестом. Посмотрел на Полярную звезду, развернулся и пошёл на восток — туда, где, по расчётам, должна была быть дорога. Он шёл

всю ночь. А когда на горизонте начало светлеть — не электрическим светом города, а медленным, робким рассветом зимнего утра, — он вышел к просёлку. И увидел обоз. Три подводы, лошади в инее, мужики в тулупах. Едут медленно, скрипят полозьями. Саша вышел на дорогу. Поднял руку. — Эй, — крикнул он. Голос сел, но прозвучал. — Эй, люди! Подвезите Христа ради! Обоз остановился. Передний мужик — бородатый, с красным от мороза лицом — оглядел его с ног до головы. — Ты чей такой? — спросил он подозрительно. Саша сглотнул. Вспомнил бумагу в кармане. — Соколов я, — сказал он. — Александр Соколов. Из Глуховки. К барину Мценскому. Мужик прищурился. — Из Глуховки, говоришь? А чего в лесу делаешь? — Шёл из Твери, — Саша импровизировал на ходу. — Сбился с дороги. Ночью. Чуть не замёрз. Мужик помолчал. Потом махнул рукой: — Садись. Довезу. Саша забрался на подводу. Сено пахло прелью, от мужика пахло овчиной и потом. Но это было тепло. Живое тепло. Подвода тронулась. Саша сидел, привалившись к борту, и смотрел, как проплывают мимо заснеженные поля, редкие деревни, тёмные полосы леса. Он был в какой то глуши. И это больше не казалось сном. Но все о нем напоминало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.